

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы и методы

- Максим Юрьевич Анисимов, Денис Анатольевич Сдвижков.* Россия и мир в эпоху Семилетней войны 7
- Доминик Ливен.* Семилетняя война: краткий обзор 39
- Мариан Фюссель.* Мир в огне. К исторической антропологии Семилетней войны (1756–1763) 58

Международные отношения: политика и экономика

- Максим Юрьевич Анисимов.* Источники о Семилетней войне в Архиве внешней политики Российской империи 87
- Мария Александровна Петрова.* Герман Карл фон Кейзерлинг и несостоявшийся союз России и Священной Римской империи в годы Войны за австрийское наследство и Семилетней войны . . . 101
- Ольга Владимировна Хаванова.* «Дружеские обязательства» Санкт-Петербурга и Вены: обмен грамотами и посольствами накануне и в годы Семилетней войны 144
- Павел Михайлович Демченко.* Опасная торговля между Балтикой и Атлантикой: коммерческое судоходство в российские порты на Балтике и реалии торговли во время Семилетней войны 163
- Фридерике Германн.* Англо-русская торговля железом во время Семилетней войны 189

Люди и свидетельства эпохи

- Денис Анатольевич Сдвижков.* Россия в эпоху Семилетней войны по личным свидетельствам: проблемы и возможности 211
- Михаил Александрович Киселев.* Фаворит, подъячий и Кольберг: неформальные отношения и политика в России в годы Семилетней войны 250

<i>Алексей Алексеевич Голубинский.</i> Офицеры Семилетней войны — первые землемеры Генерального межевания	272
<i>Михаил Павлович Милютин.</i> Очерк истории Семилетней войны в мемуарах А. Т. Болотова: история текста	282
<i>Сергей Викторович Доля.</i> Перископ: российский обыватель следит за Семилетней войной: очерк по материалам газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1758 г.	303

«Малая война» и нерегулярные войска

<i>Яков Анатольевич Лазарев.</i> «И войска сии были при баталии Эгерсдорфской и на других сражениях...»: малороссийское казачество в контексте военных мобилизаций и планов российского правительства в годы Семилетней войны	342
<i>Вадим Игоревич Егоров.</i> Российский гусарский корпус периода Семилетней войны: состав и униформа (1757–1762)	368

Память о войне

<i>Надежда Киценко, Андрей Иванов.</i> Семилетняя война в литургической практике и гомилетике православной церкви	380
<i>Александра Юрьевна Веселова.</i> «Сия война была для меня первым училищем...»: Семилетняя война в русских мемуарах второй половины XVIII в.	397

Приложение. Публикация документов

Письмо российского представителя на планируемом Аугсбургском мирном конгрессе графа И. Г. Чернышева канцлеру графу М. И. Воронцову от 3 ноября 1761 г. о своей поездке в расположение русского корпуса при австрийской армии (<i>публ. М. Ю. Анисимова</i>)	414
Письмо командующего русским корпусом генерал-поручика графа З. Г. Чернышева российскому посланнику в Варшаве Ф. М. Воейкову (?) от 8 октября 1760 г. о результатах Берлинской экспедиции (<i>публ. М. Ю. Анисимова</i>)	421
Список сокращений	426
Указатель имен (составлен <i>В. С. Бешкинской</i> и <i>А. Д. Моисеенко</i> (Европейский университет, Санкт-Петербург))	428
Сведения об авторах	435

Максим Юрьевич Анисимов, Денис Анатольевич Сдвижков

РОССИЯ И МИР В ЭПОХУ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ¹

I

Война была и, увы, в обозримом будущем, похоже, останется в числе главных вех истории. Осмысление хода и последствий войн составляет существенную часть исторической рефлексии и исторической памяти и для людских сообществ, и для отдельных людей. Семилетняя война занимает в российской историографии скромное место, но все же нельзя сказать, что это совсем непаханая историческим плугом целина. Поэтому выход новой книги требует пояснить предполагаемый прибавочный продукт знания и резоны издателей. Стремление пробудить интерес к эпохе, конечно, среди них присутствовало. Но смысл нашего обращения к предмету не только в напоминании об очередной «забытой войне». Состав авторов и темы, выходящие за пределы истории Российской империи, подсказывают, что наряду с расширением фактических знаний, открытием новых источников задача состояла в изменении перспективы и создании контекста для этих знаний.

С оформлением национальной модели истории войны оказались встроены в нее. Однако война по определению вовлекает как минимум две, а чаще несколько действующих сторон, которые, как ни цинично это может звучать, вступают во взаимодействие друг с другом. Как любил говорить фронтовик Ю. М. Лотман, любая война — это диалог, где «стороны обмениваются не только пушечными ядрами и ружейными

---

¹ Ч. I и III написаны Д. А. Сдвижковым, ч. II и IV — М. Ю. Анисимовым.

выстрелами, но и смыслами»¹. В такой оптике война, во-первых, рассматривается как предмет культурной истории вместо военной — или того, что называется «новая военная история» (см. статью М. Фюсселя в наст. кн.). Для нашего XVIII столетия в этой связи первостепенна переоценка взаимосвязей войны и Просвещения: «Война не была Другим для века Просвещения, она неразрывно связана с ним»². Во-вторых, вместо линейной национальной перспективы, где приоритетны результаты войн для конкретных стран, акцент переносится на процессы, которые за эти рамки выходят.

Внимание здесь привлекают действующие лица иного порядка, нежели современное национальное государство: с одной стороны, в рамках постнациональных моделей, — империи с их «большими играми» и стратегиями на обширном временном и территориальном протяжении³; с другой, в рамках исторической антропологии, — социальные сообщества и отдельные люди. Последнее позволяет раскрыть личный фактор, особенно важный для феномена войны, в котором рельефно выступает пространство случайного, непредсказуемого, «контингентного», увидеть взаимосвязи и переплетения истории в причудливых биографиях эпохи, на которые повлияла война, — офицеров, пленных и «перемещенных лиц», дезертиров, коммерсантов...

Семилетняя война хорошо иллюстрирует все сказанное. Это последняя большая война Старого режима, которая стала фактически первой мировой войной в Новое время. На европейском континенте она зафиксировала состав «концерта» великих держав, игравшего ключевую роль вплоть до XX в. Вне Европы с этой войны определились контуры будущего колониального,

¹ Цит. по: *Лейбов Р.* 1812: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, II. (Новая серия). Тарту, 1996. С. 68–104, здесь с. 97.

² *Füssel M.* Der Preis des Ruhms. Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges. München, 2019. S. 18; *Gat A.* The Origins of Military Thought from the Enlightenment to Clausewitz. Oxford, 1989; *Pichichero Ch.* The Military Enlightenment. War and Culture in the French Empire from Louis XIV to Napoleon. Ithaca, 2017; для России *Miakinkov E.* War and Enlightenment in Russia: Military Culture in the Age of Catherine II. Toronto, 2020.

³ *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and its Rivals. New Haven, 2001; *Scott H. M.* The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge, 2001; *LeDonne J. P.* The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford, 2004.

да и постколониального мира. При этом историография Семилетней войны складывалась в рамках национальных традиций; действующими лицами в ней выступали представленные тогдашними кабинетами прототипы национальных государств. Поскольку историю пишут победители, ключевую роль Семилетняя война играла в исторической памяти двух ее главных бенефициаров: Великобритании (создание «первой» Британской империи) и Пруссии («миф основания» Пруссии как великой державы, ставшей ядром объединенной Германии). С крахом прусско-германской традиции после 1945 г. англосаксонское доминирование в этой истории на несколько десятилетий стало почти таким же безраздельным, как британского флота на морях после 1763 года.

По той же причине не востребованости в национальной исторической памяти в России Семилетняя война хотя и не игнорировалась, но явно не была в фаворитах. Внимание историков к ней сосредоточилось на дипломатии и вкладе в то, что называлось национальным военным искусством. Война как событие глобальное применительно к России подразумевала преимущественно этап на «пути Москвы в Европу»¹; причем этот путь стал подгоняться всеми заинтересованными сторонами под позднейшую схему противостояния «России и Запада». Крайнее выражение такая схема нашла в «извечном» русско(славянско)-немецком противостоянии, а роль зачинщика в нем отводилась Пруссии как «колыбели немецкого милитаризма»².

Мы же хотели показать или хотя бы наметить перспективу Семилетней войны как «переплетенной истории», фрагмента европейской истории России. Как и коллеги 110 лет назад, исследовавшие Наполеоновскую эпоху, «мы думали, что только поставленная в рамки европейской истории, изучаемая в тесной связи со всей эпохой, [эта война] может быть понята и оценена

---

¹ *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europe. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952.

² См.: *Müller M. G.* Rußland und der Siebenjährige Krieg: Beitrag zu einer Kontroverse // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Bd. 28. H. 2. 1980. S. 198–219, 201; *Schulze-Wessel M.* Russlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart, 1995.

надлежащим образом»¹. Изучение следующей за Семилетней большой войны в Европе может служить примером решения этой задачи и в современных исследованиях, когда Доминик Ливен пишет о «военно-экономической деятельности» России в 1812–1815 гг. как «вкладе в становление нового европейского порядка»².

Такая оптика подразумевает взгляд на войну как тотальное событие. Военные усилия, *war effort*, охватывают разные, но взаимосвязанные аспекты от личных судеб до глобальных сетей и структур, включая финансы, экономику, логистику. Тематика статей в книге призвана отразить это многообразие, привлекая материалы по сопредельным с Российской империей территориям. К сожалению, по независящим от издателей причинам часть зарубежных авторов отозвала свои статьи, но тем более ценно участие оставшихся и заново присоединившихся к нам исследователей. Прежде чем перейти к главной части книги, подведем промежуточный итог нашим знаниям о России и мире в эпоху Семилетней войны в Европе и за ее пределами.

II. Россия и Семилетняя война в Европе

Государство Гогенцоллернов в начале XVIII в. поддерживало лояльные отношения с Петром I. Берлин входил в состав антишведской коалиции и по итогам Великой Северной войны 1700–1721 гг. получил часть Шведской Померании с главным городом Штеттином. Восшествие на престол молодого прусского короля Фридриха II в 1740 г. изменило прежние отношения. Разгромом австрийцев в Первой Силезской войне 1740–1742 гг., ставшей частью масштабной Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг., Фридрих II доказал, что, опираясь на подготовленную еще его отцом армию, Пруссия способна заявить претензии на роль державы великой, или, как тогда говорилось, «первого ранга». В Петербурге были неприятно поражены как самоуправством страны, ранее рассматриваемой в роли тихого

¹ Дживилегов А. К., Мельгунов С. П., Пичета В. И. Отечественная война и русское общество. Т. I. М., 1911. С. IV.

² Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 11. См. статью Д. Ливена в наст. кн.

податливого союзника, так и сокрушением пруссаками австрийцев — главных союзников России по противостоянию с Турцией и контролю над Речью Посполитой. В центре Европы появилась новая сила, способная бросить вызов и самой России в сферах ее влияния — Балтийском регионе и Речи Посполитой. Ситуация здесь менялась в тот момент, когда у России назревала война на севере со Швецией, и при крайней слабости правительства в стране: Первая Силезская война началась почти сразу после смерти Анны Иоанновны и воцарения ее годовалого внучатого племянника Иоанна Антоновича.

Русские власти, недовольные успехами пруссаков, опасались в этих условиях втягиваться в войну между двумя своими союзниками, Веной и Берлином, хотя и рассматривали варианты оказания помощи австрийцам атакой в Восточной Пруссии. Начавшаяся в 1741 г. русско-шведская война перечеркнула эти планы и дала Петербургу повод отказаться от помощи Австрии из-за необходимости вести собственную войну. Переворот с восшествием на трон Елизаветы Петровны, произошедший 25 ноября 1741 г., не изменил ситуации. Только завершив войну со Швецией победным Абоским миром 1743 г., правительство Елизаветы Петровны могло уделить больше внимания остальным европейским делам.

Война между Пруссией и Австрией к этому времени завершилась. Отбиваясь от нескольких врагов сразу, наследница Габсбургов Мария Терезия, имевшая тогда лишь один неоспариваемый титул — королева венгерская, согласилась на предложение Фридриха II прекратить войну в обмен на передачу Пруссии уже завоеванной пруссаками богатой и густонаселенной провинции Силезии. Казалось, ситуация в центре Европы снова вернулась в устраивавшее русский двор положение. В 1743 г. был подписан новый союзный договор России и Пруссии: как потом говорил его подписант, елизаветинский канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин, этим договором обеспечивалось неучастие Берлина в оказании помощи шведам в войне с Россией.

Но Фридрих II снова удивил всех. Увидев, что, избавившись от угрозы его непобедимых армий, австрийцы перехватили инициативу в продолжающейся Войне за австрийское наследство, выбили французов и баварцев из австрийских земель, заняли

баварскую столицу Мюнхен и оттеснили французов за Рейн, прусский король снова решил вступить в войну и ударить по Австрии. В 1744 г., пользуясь отвлечением основных сил австрийцев, Фридрих II атаковал владения Марии Терезии под предлогом оказания помощи императору Священной Римской империи, которым тогда был баварский курфюрст. Для прохода к австрийским границам Фридрих II вторгся в земли Саксонии. Саксонского курфюрста окончательно признали в 1735 г. польским королем под именем Августа III при помощи русских штыков, и он был союзником России. В Первую Силезскую войну Август III входил в число врагов Марии Терезии, но после выхода Пруссии из войны подписал с ней и с Елизаветой Петровной союзные договоры.

Действия Фридриха II, легко нарушившего свой столь недавно подписанный договор с Марией Терезией и вторгнувшегося в российскую сферу влияния, куда входила Саксония и особенно связанная с ней личной унией Речь Посполитая, стали катализатором изменения отношения к нему в Петербурге. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин начал убеждать Елизавету Петровну в опасности усиления Пруссии и необходимости приведения ее в прежнее положение второразрядного германского княжества. Вначале без видимого результата: русско-австрийские отношения ухудшились накануне нового вторжения Фридриха II в австрийские владения из-за обвинений бывшего австрийского посла в Петербурге маркиза А. О. Ботта д'Адорно в участии в «заговоре Лопухиных» против Елизаветы Петровны, притом что Мария Терезия желала получить какие-либо весомые доказательства этих обвинений, кроме слов уже арестованных русских «оппозиционеров». Кроме того, прусский король по-прежнему не знал поражений, а Петербург не хотел выглядеть агрессором в Европе, учитывая, что сам Август III, запросив русской помощи по союзному договору, не сопротивлялся проходу пруссаков через его земли даже для вида, хотя и отправил затем свои войска на помощь австрийцам.

Осенью 1745 г. ситуация в центре Европы подошла к закономерной кульминации: Пруссия и Саксония вступили в открытую, «прямую», как тогда говорили, войну друг с другом, с печальными последствиями для последней. Пруссаки наносили

саксонцам и австрийцам поражение за поражением, быстро приближаясь к саксонской столице — Дрездену. В Петербурге поняли, что крах Саксонии может привести к ее отходу от опоры на Россию и распаду польско-саксонской личной унии. А это, в свою очередь, могло повлечь новую войну за польское наследство, которую Россия уже вела в 1733–1735 гг., как раз посадив на польский престол Августа III. Елизавета Петровна вынесла на обсуждение совещания своих верховных сановников вопрос о войне с Пруссией ради оказания помощи Саксонии. Те выступили за войну; императрица приказала готовить вспомогательный русский корпус к походу в Европу и привести армию в боеготовность в целом. Решение не было секретным, о нем сообщили и прусским дипломатам, чтобы повлиять на желание Фридриха II оставить Саксонию ее курфюрсту. Прусский король, понимая, что русские будут готовиться долго, закончил войну на своих условиях и, разбив австрийцев и саксонцев, вступил в Дрезден. Дрезденский мир, подписанный в декабре 1745 г. пруссаками, саксонцами и австрийцами, подтверждал переход Силезии к Пруссии в обмен на прекращение войны, а также возвращение Саксонии Августу III. Других приращений, кроме Силезии, Фридрих II не желал, рассчитывая тем самым исключить Россию из числа своих врагов. Однако единожды решившая «сократить силы» прусского короля Елизавета Петровна осталась верна этому решению до самой смерти.

Осознавая, что обладающий военным талантом и вышколенной армией, агрессивный, беспринципный, циничный Фридрих II не только является угрозой российскому влиянию в ближайшем «предполье» России — Польше, Швеции, Турции, Крыму, но в случае войны России с любым соседом готов тут же воспользоваться этим для ослабления Петербурга и возможного отторжения от России ее территорий, особенно прибалтийских провинций, русский двор решил использовать любой повод к войне с ним.

По тогдашним представлениям, прямо проводить агрессивную политику в отношении другого государства без потери уважения другим было невозможно. С этим столкнулся Фридрих II, в итоге оказавшийся один против мощной коалиции своих врагов, и российский двор не собирался повторять его ошибок. Мастер дипломатических и придворных интриг, канцлер Бестужев-Рюмин

предложил Елизавете Петровне «голландскую модель» участия в международных делах: Россия добивается своих целей под чужим именем, она не начинает и не объявляет никому войны, а лишь выполняет союзнический долг, оказывая военную помощь по подписанному ранее договору. Это позволяло скрыть свои планы в Европе и избежать мести других стран — война со стороны России должна выглядеть как вынужденная. Зато на мирном конгрессе по итогам войны Россия наравне с союзниками оказывалась в числе участников подписания общего мира.

В рамках принятой политики Петербург заключает союзный договор с Австрией в 1746 г. и три субсидные конвенции с Великобританией в 1747 г. (в этот год была подписана конвенция о содержании русского корпуса на английские субсидии в Ливонии на текущий 1747 г., затем новое соглашение об этом же на 1748 г., а также русско-англо-голландская конвенция об отправке другого русского корпуса на Рейн). Все эти соглашения объединены обязательством России оказать военную помощь своим союзникам в случае нападения на их владения Пруссии в обмен на выплату крупных денежных сумм. Бестужевская идея войны «под чужим именем» получала дополнение «и за чужой счет». В этом же ключе с 1753 г. готовится новая субсидная конвенция с англичанами, по которой русские войска должны были оказать помощь британцам, если Пруссия нападет на принадлежащий английскому королю Ганновер. Однако интересы Британии смещаются к войне за колонии, главной угрозой становится Франция. В Лондоне считали, что русским все равно, против кого посылать свои войска в случае атаки на Ганновер, но для Петербурга врагом могла быть только Пруссия, воевать же с французами ради англичан не имело смысла. С большим трудом после долгих переговоров в 1755 г. была подписана русско-английская конвенция, при этом российская сторона при ратификации конвенции императрицей в марте 1756 г. прикладывает к ней декларацию о действительности русской помощи только в случае нападения на Ганновер Пруссии. Однако англичане не желают ее принимать, уже получив страховочный вариант: в 1756 г. подписана Вестминстерская конвенция с Пруссией, по которой обязательства оказания помощи Ганноверу берет на себя Фридрих II.

Прусский король внимательно следил за развитием англо-французского конфликта в колониях, прекрасно понимая, что он перекинется в Европу: Вена, все эти годы проводившая военные реформы, не оставляла цели возвращения Силезии, теперь опираясь на помощь союзной России. В своем так называемом «Первом политическом завещании» 1752 г. Фридрих II верно оценил интересы России в Польше и на Балтике. Но, интригуя там против русских «на всякий случай», чтобы Петербургу было не до европейских дел, почему-то так и не понял, что именно он оценивается в Петербурге как угроза этим интересам, а русский двор является его упорным тайным врагом. Русское участие в противоборстве с Пруссией Фридрих объяснял английскими, а потом австрийскими деньгами, ради которых продажный канцлер Бестужев-Рюмин и настроил Елизавету Петровну против него. Искренне полагая, что английские деньги решают в Петербурге все, Фридрих II пошел, по его же словам, на соглашение с Англией, рассчитывая не только обезопасить себя от англичан, но и освободиться этим от русской угрозы.

Воззрения Фридриха II, не видевшего и не понимавшего интересов Российской империи в Европе, оказали значительное влияние на историков, в том числе русских, которые вслед за прусским королем оценивали участие России в Семилетней войне как вынужденное оказание союзной помощи Австрии, результат личной обиды Елизаветы Петровны на насмешки над ней Фридриха II, торжество австрийских дипломатов, втянувших продажного канцлера Бестужева-Рюмина в войну с Пруссией. Истинные цели участия России в войне, как и долгая подготовка к ней, оказались скрыты в российских архивах.

В 1912 г. Императорское Русское историческое общество опубликовало первую часть протоколов Конференции при Высочайшем дворе, постоянного совещательного органа, созданного Елизаветой Петровной для подготовки и ведения войны с Пруссией в марте 1756 г. Первые заседания определили цели русского участия в войне: «всегда главное намерение к тому клониться имеет, чтобы, ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор возвращением ему Силезии усиля, сделать союз его противу

турок больше важным и действительным; одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные хлопоты и беспокойства пресеклись, но может быть и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»¹. Но в отличие от секретных протоколов и решений Конференции, для своих подданных и для всего мира уже после начала войны Петербург объявил причиной войны против Пруссии необходимость оказания союзной помощи подвергшимся агрессии Австрии и Саксонии.

Первая мировая война, Русская революция, изоляция Советского государства в первые десятилетия его существования, Вторая мировая война, да и просто языковой барьер мешали иностранным историкам познакомиться с подлинными причинами русского участия в Семилетней войне. Только после Второй мировой войны, в условиях широкого распространения советского влияния в Европе, английский историк Г. Баттерфилд выступил с речью, оформленной затем в виде брошюры, в которой сообщил о вышеописанных решениях Конференции при Высочайшем дворе и намеренно провокативно назвал Россию «главным виновником» или «настоящим виновником» Семилетней войны². Эссе Г. Баттерфилда, как и вышедшее в это же время в Западной Германии масштабное исследование В. Медигера³, положили начало революции в представлении исторической науки о причинах участия и роли России в начале Семилетней войны. Оказалось, что, помимо всем известных противоречий между Австрией и Пруссией в Германии, а Великобританией и Францией — в колониях, существовали мощные российско-пруссские противоречия в восточной части Европы, которые и определили двор Елизаветы Петровны во враги формирующейся новой великой державы с центром в Берлине.

¹ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // СИРИО. Т. 136. СПб., 1912. С. 33.

² *Butterfield H.* Reconstruction of an Historical Episode: The History of the Enquiry into the Origins of the Seven Years' War. Glasgow, 1951. P. 8, 29.

³ *Mediger.* Moskaus Weg.

Интересно, что иностранная историческая наука куда полнее представляла себе роль России в начале Семилетней войны, чем отечественная. Вероятно, общее первое впечатление о том, что это была «чужая» и «ненужная» для России война, повлияло на то, что о Семилетней войне, в которой русская армия столкнулась с лучшей армией тогдашней Европы, было написано в нашей стране до недавних времен всего две монографии. Первая из них, трехтомная работа полковника Генерального штаба Д. Ф. Масловского «Русская армия в Семилетнюю войну», была опубликована в 1886–1891 гг.¹ Будучи профессиональным военным, Д. Ф. Масловский и посвятил свое исследование действиям русской армии. Его книга издана в немецком переводе и хорошо известна за рубежом, представляя собой русский взгляд на эту войну.

В 1940 г., в условиях новой масштабной войны в Европе, начатой Берлином, в советском Воениздате вышла книга Н. М. Коробкова, историка еще дореволюционной школы, «Семилетняя война (Действия России в 1756–1762 гг.)»². Н. М. Коробков, используя материалы нынешних РГВИА и РГАДА, вышедшую к тому времени литературу на нескольких европейских языках, создал достойное научное исследование, в основном посвященное ходу военных действий русских.

В 2014 г. вышла монография М. Ю. Анисимова «Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг.», основанная на материалах Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, продолжающее исследование автора «Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в.: от Ахенского мира до начала Семилетней войны». В 2020 г. свет увидела книга «Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)», дополнившая прежние работы освещением первых лет внешней политики этой императрицы, предопределивших войну против Пруссии³.

¹ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну: В 3 т. М., 1886–1891.

² Коробков Н. М. Семилетняя война (Действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940.

³ Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012; Анисимов М. Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014; Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

С 2013 г. С. В. Доля выпускает альманах «Кружева и сталь», посвященный разным аспектам Семилетней войны в глобальном масштабе и включающий в себя разные по содержанию и жанру статьи, а также переводы не публиковавшихся до того источников на русском языке¹.

Постсоветское время открыло науке целый ряд и неизвестных ранее мемуаров русских участников Семилетней войны. Продолжатели дела дореволюционных публикаторов исторических свидетельств опубликовали в альманахе «Российский архив» мемуары военного инженера М. А. Муравьева, участника сражений при Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе²; отдельной книгой вышли объемные мемуары фельдмаршала А. А. Прозоровского³. Ранее историки знали только мемуары А. Т. Болотова — непрофессионального военного, бывшего в Семилетней войне поручиком и покинувшего армию после манифеста о вольности дворянской Петра III, что позволяло Д. Ф. Масловскому пренебрежительно отзываться о его свидетельствах. Однако мемуары офицеров, в том числе будущего фельдмаршала, во многом согласуются с Болотовым в оценке боеспособности российской армии на первом этапе Семилетней войны и причин отступления фельдмаршала С. Ф. Апраксина из Восточной Пруссии.

Изданы и мемуары Алексея Климова, в годы Семилетней войны попавшего в прусский плен, так и не успев добраться до своего полка⁴. Д. А. Сдвижков сделал интереснейшую находку в немецких архивах, обнаружив чудом сохранившиеся письма русских офицеров домой через три недели после сражения при Цорндорфе. Курьер с этими письмами был перехвачен пруссаками, и благодаря этому мы можем увидеть целый срез жизни офицеров воюющей русской армии в 1758 г. Все письма русских

¹ Доля С. В. Кружева и сталь. Заметки о Семилетней войне 1756–1763 годов. Вып. I–IX. М., 2013–.

² Записки М. А. Муравьева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. V.

³ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004.

⁴ Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века) / Подг. текста, статья и комментарии Е. Д. Кукушкиной. СПб., 2011.

офицеров, остзейских немцев и грузинских гусар опубликованы Д. А. Сдвижковым, предварившим публикацию собственным исследованием о людях российской армии в Семилетней войне¹.

Побеждая Фридриха II, российская армия обрела уверенность, что способна победить любого из возможных противников. Однако путь к этой уверенности, как часто случалось в истории, был долгим. Власти страны рассчитывали лишь на вспомогательную роль армии в этой войне, сама армия, долго не воевавшая, не имевшая опытных военачальников, опасалась непобедимых пруссаков. Первое столкновение в 1757 г. с небольшими прусскими силами, защищавшими Восточную Пруссию, в сражении у Гросс-Егерсдорфа едва не закончилось катастрофой. Русское командование, не разведав положение противника, неожиданно столкнулось с ним ранним утром, когда он готовился к продолжению марша. Но, потеряв управление, русская армия не развалилась и не побежала, солдаты и их непосредственные командиры приняли бой в тяжелых условиях и сумели опрокинуть противника. После сражения росло недоверие солдат и офицеров к командованию, достигшее своего апогея при решении командующего армией фельдмаршала С. Ф. Апраксина отступить из Восточной Пруссии после этой победы. В Петербурге, столь же потрясенном неожиданным результатом этого похода, приняли решение сменить командующего и любой ценой показать противникам и союзникам, что российская армия верна своему долгу и отступление — лишь недоразумение.

Антипрусская кампания 1757 г. получилась обескураживающей и для союзников России. Несмотря на огромный перевес, союзники не добились ничего. Фридрих II разгромил франко-имперскую армию в битве при Росбахе. Потерпев первое поражение в карьере полководца в сражении с австрийцами при Колине, прусский король взял реванш над ними в битве при Лейтене, восстановив территориальный статус-кво на начало года. В Померании выдвинувшиеся вперед шведы при известии об отступлении русских спешно вернулись обратно в свои

---

¹ Сдвижков Д. А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М., 2019.

владения. Оказалось, что силы трех великих держав и их союзников ничего не смогли сделать с Пруссией, а значит, война будет долгой. Французы после битвы при Росбахе отказались от планов отправки войск против прусской армии, сосредоточившись на противостоянии ганноверцам и их английским союзникам. Борьбу с основными силами Пруссии продолжали только Австрия и Россия.

Новый российский командующий из шотландцев, осевших в немецкоязычной Лифляндии, В. В. Фермор, до того больше известный как военный инженер, сумел навести порядок в упавшей духом армии, укрепить дисциплину, избавить от мешавших ее быстрому движению обозов и суровой зимой 1757–1758 гг. двинуться в новый поход на Восточную Пруссию. Сам по себе поход зимой представлял по тем временам большую трудность, войска предпочитали не воевать, располагаясь на зимние квартиры, но русская армия, добывавшая необходимое снабжение на территории противника, с честью выдержала это испытание. Прусских войск в провинции уже не было, и без сражений русские заняли Восточную Пруссию, организовав в ней собственное управление и оставаясь там до самого выхода России из войны в 1762 г.

Остальные сражения русская армия вела уже за пределами Польши в центральных владениях Фридриха II, бранденбургских и померанских землях, куда еще нужно было дойти через обширную территорию Речи Посполитой. Помимо серьезных проблем с военной логистикой в чужом государстве, позднее прибытие русских на театр военных действий позволяло Фридриху II встречать своих врагов поодиночке.

В кампанию 1758 г. русская армия подошла через Польшу к Одере только в августе, в то время как Фридрих II воевал с австрийцами еще с весны. В. В. Фермор, хотя не имел осадных орудий, подверг успешной бомбардировке прусскую крепость Кюстрин. В это время прусский король, взяв с собой лучшие полки, стремительно двинулся из Силезии к Кюстрину. Фермор отошел от города и занял выгодные позиции восточнее, у деревни Цорндорф. Быстро переправившись через Одер, Фридрих II обошел позиции Фермора с тыла и заставил его повернуть фронт на 180 градусов, лишив его преимуществ прежней

позиции. 14 (25) августа состоялось сражение при Цорндорфе, считающееся не только «самым странным» сражением Семилетней войны (по причине независимости его хода от воли обоих командующих армиями), но и самым кровопролитным по соотношению участников сражения и понесенных потерь вплоть до Первой мировой войны. Фридрих II, представлявший своими самыми главными врагами австрийцев, решил раз и навсегда избавиться от русских, нанеся им такое поражение, которое их ужаснет, и в Петербурге поспешат заключить с ним мир. Король настраивал своих солдат на жестокую месть, приказав не брать русских в плен. Как и при Гросс-Егерсдорфе, русские солдаты и младшие офицеры по собственной инициативе пошли в атаку. После первого успеха, отбросив прусских пехотинцев, потерявшие строй солдаты подверглись мощнейшему удару прусской тяжелой кавалерии, однако даже в этих условиях русские не дрогнули и не побежали, а, собравшись в группы по несколько человек, мужественно встретили лавину прусской конницы. Их отчаянное сопротивление не позволило пруссакам опрокинуть всю армию. После схожих событий на обоих флангах сражение окончательно превратилось в обоюдную резню, войска смешались и не контролировались не только русским командованием, но и прусским. Лишь опустившаяся ночная темнота прекратила сражение, и ночью солдаты обеих армий искали остатки своих полков на том же поле дневного боя. Утром, заново выстроившись, русские и пруссаки провели оружейную перестрелку, но на большее сил уже ни у кого не было. Отойдя в свои лагеря, обе армии отпраздновали победу, после чего русская армия через Померанию отправилась обратно в Польшу, не имея сил для продолжения наступления к Берлину. Таким образом, не победив в самом сражении, Фридрих II все же добился своего, сняв в кампанию этого года угрозу русского вторжения в Бранденбург, и отошел в Саксонию, где потерпел поражение от австрийцев у Хохкирха. Отдельный русский корпус попытался взять прусскую крепость-порт Кольберг на балтийском побережье Померании, но без успеха и вместе с главной армией ушел на зимние квартиры в нейтральной Речи Посполитой.

Кампания 1758 г. продемонстрировала примерное равенство сил пруссаков и их противников. Отчаянные сражения,

помимо потерь, не принесли воюющим армиям итоговой победы. После боя армии отходили восстанавливать силы, и противники никак не преследовали отступавших, что будет происходить и в дальнейшем. Война, которую ее участники изначально планировали как быструю, превращалась в войну на истощение.

Кампанию следующего года русский двор снова решил провести, атаковав бранденбургские владения. Новым командующим был назначен генерал-аншеф П. С. Салтыков. Фридрих II заранее отправил в Польшу корпус графа Дона с целью разбить отдельные русские части, только готовившиеся к выступлению, однако пруссаки не успели подойти вовремя и, увидев собранную русскую армию, численно превосходившую корпус, начали отступать. Дойдя до прусских границ, корпус получил нового командира, присланного Фридрихом II для того, чтобы тот, наконец, дал бой русским, силы которых прусский король по-прежнему недооценивал. Генерал Ведель тут же попытался разбить армию Салтыкова, атаковав его позиции у Пальцига, но, несмотря на отчаянные атаки, потерпел поражение и был отброшен. Русские двинулись к Франкфурту-на-Одере для соединения с союзными австрийцами. Фридрих II, раздосадованный неудачей Веделя, понял, что ему снова придется самому идти против русских.

Как и в прошлом году, с лучшими полками прусский король стремительно двинулся из Силезии к Одере, где соединился с корпусом Веделя. Салтыков тем временем занял Франкфурт-на-Одере и тоже усилил свою армию подошедшим ему навстречу австрийским корпусом генерала Лаудона численностью 18 500 человек. Узнав о подходе Фридриха II, Салтыков отступил за Одер и занял прибрежные высоты у селения Кунерсдорф. Фридрих II, как и в прошлом году стремительно переправившись через Одер, снова обошел позиции русской армии с тыла, таким образом прижав ее к реке. Битва при Кунерсдорфе 1 (12) августа 1759 г. стала триумфом русского оружия. Фридрих II атаковал оборонявшихся русских солдат, но все атаки в конце концов захлебнулись в ружейном и орудийном огне стоявших на холмах русских и австрийцев. Не помогла и последняя надежда короля — тяжелая кавалерия генерала Зейдлица. Когда резервы

Фридриха II были исчерпаны, русская и австрийская кавалерия ринулась в контратаку, поддержанную всей армией, прусская армия рассыпалась и побежала. Сам Фридрих II едва не попал в плен к казакам. Покинув поле боя, он отправил письмо своему министру, в котором сообщил, что у него от всей армии осталось лишь 3 тысячи человек и он считает все потерянным, ожидая гибели своей страны.

Однако король с удивлением увидел, что последнего удара никто не наносит. Ни армия Салтыкова, ни австрийская армия фельдмаршала Дауна в Силезии не двигались с места и не шли на беззащитный Берлин. Оба союзных командующих предоставляли друг другу право захвата Берлина и завершения войны, ссылаясь один — на потери из-за двух сражений, второй — на необходимость прикрывать Силезию из-за присутствия там других прусских войск. В итоге Фридрих II вызвал резервы, из гарнизонов крепостей и резервов подвезли пушки, разбежавшиеся у Кунерсдорфа солдаты возвращались к нему, и вскоре прусский король вновь командовал армией, способной защитить свою столицу. Впрочем, этого так и не понадобилось, так как Даун остался в Силезии, а Салтыков в итоге вернулся на зимние квартиры в Польшу. Триумфальная победа над самим королем не принесла союзникам победы в войне. Впрочем, австрийцы и имперцы в сентябре этого года добились капитуляции прусского гарнизона саксонской столицы Дрездена и удержали город за собой до конца войны.

В кампанию 1760 г. русская армия уже не имела сражений. Фридрих II, узнав на собственном опыте ее силу, больше не нападал на нее, а сами русские, как и прежде, избегали активных действий. Кроме того, прошлогодняя победа при Кунерсдорфе резко подняла в Европе престиж русской армии, и было желательно сохранить его, не доверяясь превратностям новых сражений. Армия произведенного после Кунерсдорфа в фельдмаршалы П. С. Салтыкова так и промаршировала вблизи того же Одера, не атаковав прусские войска. Отдельный русский корпус при поддержке Балтийского флота снова попытался взять Кольберг, но осаду прервал прусский корпус генерала Вернера, неожиданно появившийся у города и заставивший десант в панике погрузиться на корабли и отойти в море.

Русские сумели взять реванш за эту неудачу, на короткое время захватив Берлин. Пользуясь отсутствием основных прусских сил, небольшой кавалерийский корпус генерала Тотлебена пытался с ходу прорваться в Берлин, но штурм был отбит гарнизоном города и приданным ему полевым корпусом. К Тотлебену подошли русский корпус генерала Чернышева и австрийский корпус генерала Ласси. В условиях численного превосходства противника прусский корпус отошел от города, не имевшего значительных укреплений, и горожане сдали прусскую столицу генералу Чернышеву. Взяв с города контрибуцию, освободив находившихся там пленных и разрушив прусские военные фабрики, союзники быстро отошли от Берлина, узнав, что к нему спешит со своей армией сам Фридрих II. Не имевшая особых военных результатов Берлинская экспедиция принесла моральные и дипломатические плоды, снова показав Европе возможности русских солдат. Главная же армия, так ничем и не отметившись, отступила на зимние квартиры в Польшу. Уже после ее ухода состоялось последнее крупное сражение Семилетней войны — у Торгау. Фридрих II в кровопролитном упорном сражении победил австрийскую армию фельдмаршала Дауна. Большие потери пруссаков вынудили и Фридриха II отказаться от решительных атак на армии своих противников.

Кампания русской армии 1761 г. проводилась уже при новом командующем — фельдмаршале А. Б. Бутурлине, бывшем фаворите Елизаветы Петровны в бытность ее юной цесаревной. Не имея опыта командования, Бутурлин также стремился избегать сражений, чтобы не подвергать угрозе высокий престиж русской силы в этой войне, а также, возможно, не веря в силы своих солдат в наступательном бою (все свои 4 сражения в войне русская армия провела в оборонительных порядках, отражая атаки пруссаков). Однако в самом конце этого года в Петербурге готовились к празднованию новой победы — после упорной осады, уже третьей в этой войне, капитулировал гарнизон прусской крепости Кольберг, сдавший город-порт отдельному русскому корпусу генерал-поручика П. А. Румянцева. Падение Кольберга не только лишало Фридриха II контроля над Прусской Померанией, но и давало

в распоряжение русской армии мощный тыловой хаб — теперь появлялась возможность морем доставлять подкрепления и военные припасы из русских портов на Балтике куда быстрее и прямо к Заграничной армии, а не тянуть их долгими дорогами через Польшу. Расположение русского корпуса в Кольберге и окрестностях позволяло впервые начать новое наступление в направлении Бранденбурга уже весной, совместно с австрийцами и шведами.

Конец 1761 г. принес Фридриху II и другие потери: австрийский генерал Лаудон, захватив с собой четыре роты русских grenадеров, стремительным ночным штурмом взял крепость Швейдниц, что оставляло за австрийцами на зиму половину Силезии. Имперские войска отрезали прусские войска от Франконии. Фридрих II, силы которого истощались, уже не разрабатывал план кампании на 1762 г. Ожидая неминуемого поражения, он поручил своему министру ждать до середины февраля 1762 г., после чего начинать переговоры с противниками, стремясь сохранить как можно больше территорий для своего племянника-наследника. Последней надеждой короля было выступление Османской империи против Австрии, которое по всем известиям из Константинополя не смогло бы состояться в ближайшее время.

Но 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) скончалась российская императрица Елизавета Петровна. На престол вззошел ее племянник Петр III, давний поклонник Фридриха II, «государь с истинно немецким сердцем», как назвал его прусский король в личном письме. Петр III всю жизнь любил только свою родину, герцогство Гольштейн-Готторп, и, став российским императором, действовал в его интересах, считая войну против Фридриха II нужной только австрийцам. Петр III решил прекратить войну против Пруссии и начать против Дании с целью возвращения захваченного у Гольштейна Шлезвига. В этом император искал союзника в Пруссии, собираясь ради него толкнуть Османскую империю против австрийцев, отказавшись от антитурецкого союза с Веной. Петр III подписал сепаратный мир с Фридрихом II, вернув ему все занятые русскими территории. После мира был заключен и военный союз Петербурга и Берлина, русский корпус генерал-поручика

Захара Чернышева присоединился к прусской армии. Потеря самой грозной силы антипрусской коалиции перевернула ход войны. Фридрих II перешел в наступление и сумел выбить австрийцев из южной Силезии, вернув Швейдниц. В это время в русской столице произошел переворот, Петр III был свергнут и быстро умер при невыясненных обстоятельствах, и на престол вступила его супруга Екатерина II. Европа вновь замерла в ожидании того, куда теперь двинется Россия. Новая императрица, заняв престол под манифест против «поруганной славы» России и мира с ее врагом, в дальнейшем предпочла отстраниться от Семилетней войны, сохранив мир с Пруссией, подтвердив все его условия, но не ратифицировав союз с Фридрихом II.

Без России прошли не только мирные переговоры англичан и французов, решившие Парижским миром 1763 г. судьбу колоний (Франция лишалась своей первой колониальной империи, передав англичанам Канаду и поставив французские владения в Индии под английский контроль), но и переговоры австрийцев и саксонцев с пруссаками в Губертусбурге. По мирному договору 1763 г. Фридрих II отдавал остававшуюся у него половину Саксонии ее курфюрсту, австрийцы возвратили пруссакам единственное занятое ими прусское владение — Глац и признали окончательный переход Силезии под власть Берлина.

III. Россия и Семилетняя война в глобальном аспекте

Мы отдаем себе отчет, что исследовательское внимание к «глобальному» близко к тому, что в глобализированном языке именуется «хайпом», но постараемся показать конструктивную сторону этой моды.

Хотя все или по крайней мере многие из нас читали в детстве Фенимора Купера, мало кто отдавал себе отчет, что события «Последнего из могикан» не только являются частью одной и той же войны, но и совпадают по времени с походом Апраксина и битвой при Гросс-Егерсдорфе в Восточной Пруссии. Цепь событий связала русского мужика с ружьем, «месившего своими башмаками литовскую грязь» (А. А. Керсновский), с трапперами

и краснокожими в мокалинах. Теоретически мы знаем, что мировой пожар занялся за пределами Европы: то ли летом 1754 г. со стычки в долине реки Огайо между отрядом секунд-прапорщика Жюмонвиля и «маиора Васгинтона»¹ (Джорджа Вашингтона, на самом деле уже ставшего подполковником), то ли еще раньше с не прекращавшихся после 1751 г. стычек французов и англичан в Карнатике в Южной Индии. Однако непосредственное значение взаимосвязь этих событий имела только для французов и британцев, которые могли сказать устами Уильяма Питта — старшего, что «Америка завоевывалась в Германии», и видеть в Семилетней войне эпизод «второй Столетней войны» (1689–1815) между Англией и Францией. Остальные действующие лица играют подчиненную роль (как старые колониальные империи Испания и Португалия) или смотрят на эти события как бы боковым зрением.

К последним относится и Российская империя. В коротком времени Россия была вовлечена только в информационные потоки с заокеанской войны. Но в длинном контексте последствия имели огромное значение и для нас: в прямой связи с этой войной был вскоре последовавший конфликт, который привел к отдельному государственному существованию США; политический и финансовый кризис Франции, вылившийся в Великую французскую революцию; наконец, англосаксонское доминирование в Америке, а затем и во всем мире, определяющее его до сих пор (см. статью Д. Ливена в наст. кн.).

Неевропейского театра военных действий как такового у России не было. В отсутствие океанского флота и мировых претензий континентальная империя вполне довольствовалась ролью «региональной державы», не собиралась обмывать сапоги гренадеров ни в Индийском, ни в Атлантическом океане и специально оговаривала свое ограниченное вмешательство в переговорах о военных союзах. Однако уже в силу геополитического положения глобальный аспект войны не мог не сказаться на Российской империи, которая, по словам М. В. Ломоносова (1748),

---

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1754. 6 сент. № 71. См.: Ушаков В. А., Бродская К. М. Первые сведения о Джордже Вашингтоне в России // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 230–237.

Седит и ноги простирает / На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас; / Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет, / Возлегли локтем на Кавкас¹.

В отличие от «трансатлантической» истории Семилетней войны², «трансевроазиатский подход», вовлекающий Россию, был заявлен в литературе совсем недавно³. Между тем Семилетняя война вписана в принципы политики Российской империи, выходящие за рамки и данной конкретной эпохи, и европейского театра военных действий.

В военно-стратегическом отношении эта политика обеспечивалась войнами «малой кровью на чужой территории» XVIII в., которые позволяли империи контролировать сопредельные территории и тем успешно обезопасить собственную. Возвышение Пруссии расценивалось — и, как выяснилось много позже, не без оснований — в качестве угрозы «гласису» своей имперской крепости.

Стратегия практиковалась на всех рубежах империи; войны были по форме (и так и именовались) «походами»: экспедиции, ограниченные обычно летними кампаниями с последующим возвращением войск в пределы империи. Последними перед Семилетней войнами стали Русско-австро-турецкая 1735–1739 гг. и Русско-шведская 1741–1743 гг.; подобными же экспедициями было «точечное вмешательство» вспомогательных русских корпусов в двух Рейнских походах 1735 и 1748 гг. С этим опытом Российская императорская армия вступила и в Семилетнюю войну.

Стратегия была оправдана, пока боевые действия велись в «буферной зоне» между империями — в Финляндии, Прибалтике, украинских и крымских степях, на Кавказе, куда экспедировались и войска противника (Швеции, Турции, Персии). Но война непосредственно на вражеской территории, в Пруссии,

¹ Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М. В. ПСС. Т. VIII. М.; Л., 1959. С. 222.

² См.: Schumann M., Schweizer K. W. (Eds) *The Seven Years' War: A Transatlantic History*. London; New York, 2010. Авторы, впрочем, считают частью этой истории и Российскую империю.

³ Danley M., Spielman P. (Eds) *The Seven Years' War: Global Views*. Leiden, 2012. P. XXXVIII.

при большей массе задействованных войск оказалась иной. Она выявила слабости логистики, трудности снабжения войск и неумение организовать его в завоеванных областях (особенно ярко проявившееся в первой кампании 1757 г.), а также проблемы координации военных усилий с союзниками, которых требовала эта война. Тактика «набегов» не создавала достаточного давления на противника, который находился на своей земле.

Другой прямо заявленной Россией, но мало принимаемой в расчет исследователями целью войны, выходящей за пределы Европы, был контроль и расширение торговых путей. Идеал елизаветинского меркантилизма — превращение России в транзитную страну для контактов как Севера с Югом, так и Запада с Востоком. Поощрение торговли надо рассматривать в общей системе мер до войны и во время нее, направленных на повышение финансовой стабильности государства для обеспечения прежде всего дорогостоящих военных действий¹. Ослабление Пруссии, размен ее земель с Польшей и предполагавшееся, очевидно, при этом соглашение с Портой должны были в идеале, как упоминалось выше, соединением «коммерции Балтийского моря с Черным» фактически возродить путь «из варяг в греки» и тем самым привести под контроль России всю «левантскую», то есть средиземноморскую, коммерцию в этой части Европы. Более реалистичными выглядели цели, оформившиеся уже в ходе войны с занятием российской армией Восточной Пруссии, которые, как утверждал английский посланник в Петербурге, включали «явное намерение России контролировать навигацию в Балтике, а затем подчинить себе всю торговлю севера [Европы]»². Помимо традиционных для первой половины XVIII в. товаров русского экспорта речь шла и о все возраставшем вывозе на внешние рынки зерна, который вскоре должен был получить для России стратегическое значение.

Что касается коридора с Запада на Восток, то до открытия Суэцкого канала было еще более ста лет, и Россия середины XVIII в. в гораздо большей степени играла роль транзитной

¹ Ср.: Kahan A. *The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago; London, 1985. P. 54–55, 238, 323.

² *Memoirs and Correspondence <...> of Sire Robert Murray Keith <...>*. Vol. 1. London, 1849. P. 40.

страны в торговле между Западной Европой и Азией, чем позднее и теперь. Динамика процессов была напрямую связана со становлением мировой торговли и колониальной политики. Это особенно касалось торговли (шелком) с Персией, в которой были заинтересованы англичане¹, караванной торговли со Средней Азией через Астрахань и Оренбург с перспективой распространения коммерции «во всей полуденной Азии до самой Индии»², которая Великобританией, наоборот, вряд ли приветствовалась. В меньшей степени глобальную роль играла русская торговля с Китаем, на которой сказывались государственное вмешательство (государственные караваны и монополии на торговлю «мягкой рухлядью», т. е. мехами, и ревенем), а также конкуренция морского пути.

Роль России в системе глобальной торговли иллюстрируют статьи Ф. Герман и П. Демченко в наст. кн. Речь прежде всего идет об отношениях России с англичанами, которые к Семилетней войне аккумулировали в своих руках более половины русской внешней торговли³. В результате в Африке оказывались гвозди из русского железа, русский поташ шел на порох, который королевский флот использовал для потопления союзных России французских кораблей⁴. Да и в целом «сохранение и расширение английского флота» — решающего средства завоевания глобального господства — «покоилось в значительной мере на одних лишь русских произведениях»⁵, подразумевая корабельный лес, пеньку, парусину, железо. Насколько критична была эта зависимость, очевидно из нежелания британцев вопреки всем мольбам Фридриха II посылать эскадру на Балтику, так как в этом случае Петербург грозил разорвать дипломатические и торговые отношения⁶.

¹ Об их попытках организовать самостоятельную торговлю с Персией и Средней Азией через Каспий и Волго-Балтийский путь накануне Семилетней войны см.: *Hanway J. An Historical Account of the British Trade Over the Caspian Sea* <...>. London, 1753.

² *Рычков П. И. Топография или описание Оренбургской губернии*. Ч. II. СПб., 1762. С. 7.

³ *Кулишер И. М. История русской торговли*. Петербург, 1923. С. 190.

⁴ *Cressy D. Saltpeter: The Mother of Gunpowder*. Oxford, 2013. P. 147.

⁵ *Кулишер*. С. 191.

⁶ *Schumann, Schweizer*. P. 159–161.

В целом время Семилетней войны открывает собой «первую эпоху глобального империализма»¹, которая выходит за рамки двустороннего дележа мира на океанах и в которой Россия активно участвует, сдвигая свои границы на юге и востоке. Втягиваясь в европейскую войну, Россия должна была не упускать из виду баланса сил по всему своему юго-восточному периметру — от Украины до казахских степей и Сибири — с Османской империей, Персией и Китаем, где непосредственно до того шли боевые действия или нарастала напряженность. Огромная протяженность сухопутных границ с могущественными и на тот момент еще вполне конкурентоспособными при столкновении с европейской армией державами — Османской и Цинской империями — не могла не влиять на планирование и организацию участия России в Семилетней войне.

Множественность фронтов всегда была существенной угрозой армии и стране, принужденных к ним; в Семилетней войне на этом строилась и стратегия коалиции против Пруссии, и стратегия Британии в борьбе с Францией. Неудивительно, что ту же тактику пытались применить и в отношении России. Притом что, в отличие от Пруссии, преимущество внутренних линий коммуникации в России нивелировалось огромными расстояниями и скудной логистикой, вдохновенные военные импровизации в стиле Фридриха II тут не проходили. Требовались долгосрочное планирование и подготовка: не случайно передислоцирование полков из южной и восточной частей страны на запад развернулось еще с начала 1750-х гг.

Если на Кавказе со смертью в 1747 г. воинственного Надиршаха ситуация несколько разрядилась, то османы после Русско-австро-турецкой войны 1735–1739 гг. оставались грозным противником. Не имея по условиям Белградского договора 1739 г. флота на Черном море и достаточной защиты крепостей, Россия в течение Семилетней войны жила в постоянном напряжении по поводу возможности открытия Османской империей и Крымским ханством «второго фронта»: «Мы принуждены <...> брать в уважение <...> сколь многократно находилась империя наша в крайней опасности, когда б Оттоманская Порта вознамерилась нам

¹ Bayly C. A. The First Age of Global Imperialism, c. 1760–1830 // The Journal of imperial and Commonwealth history. Vol. 26 (1998). P. 28–47.

войну объявить, и мы неотменно принуждены были б столько ж против нее обороняться, сколько опасаться с прусской стороны»¹.

И эти опасения были отнюдь не беспочвенными. Фридрих II через своих эмиссаров (самым известным из них был Готфрид Фабиан Гауде alias Карл Адольф фон Рексин) и при посредничестве английского посланника делал все возможное, чтобы подбить султана выступить против своих недавних противников. Отдельные усилия Пруссия предпринимала для вовлечения в войну Крымского ханства, которое само инициировало контакты с Фридрихом². После смены правящего султана на воинственного Мустафу III Константинополь колебался; победы Фридриха были самым весомым аргументом для союза с ним: по свидетельству Рексина, после Росбаха и Лейтена на улицах и в кофейнях османской столицы кричали: «Бранденбург! Бранденбург!»³

Вопреки Клаузевицу, в данном случае скорее дипломатия представлялась продолжением войны, а не наоборот. Курс акций воюющих государств при Высокой Порте рос и падал в зависимости от исхода баталий. Российский резидент в Константинополе А. М. Обресков писал в Петербург: «Ежели между тем временем оружие вашего императорского величества и высоких ваших союзников над помянутым прусским королем никакого знатного аванжа не одержат, не можно надежно уповать в желаемом предуспеть»⁴. Именно подоспевшие поражения пруссаков, и прежде всего разгром при Кунерсдорфе, охладили военный пыл в Константинополе и подтвердили, что победоносная армия — лучший аргумент империи. Осенью 1759 г. чрезвычайный посол из Санкт-Петербурга кн. Г. И. Шаховской получил на аудиенции от султана заверение «о содержании вечного мира:

¹ Рескрипт Конференции П. С. Салтыкову от 31.03.1760 (*Коробков Н. М.* (ред.) Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. М., 1948. С. 557).

² См.: *Мундт Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого: пролог столкновений между Россией и Турцией // ИТУАК. 1909. № 43. С. 1–88; *Анисимов* 2014. С. 340–375.

³ *Aksan V. H.* An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 65; *Kühnel E.* Erinnerungen an eine Episode in der Türkenpolitik Friedrichs des Großen // *Oriens*. Bd. 5. № 1. 1952. S. 70–81. Под Бранденбургом подразумевается Пруссия.

⁴ Цит. по: *Анисимов* 2014. С. 360.

ежели с нашей (российской. — Д. С.) стороны чего не будет, то и он содержать будет»¹.

В то же время отток наиболее боеспособных частей Российской императорской армии к западной границе и за нее вызывал структурные проблемы безопасности, резко снижая возможности правительства во «внутренней войне» (С. М. Соловьев) с разбоями и волнениями (см. статью Д. А. Сдвижкова в наст. кн.) и по всему периметру границ, ограничивая пространство для маневра военным и дипломатам вне европейского театра военных действий. Резиденту в Константинополе фактически приходилось блефовать, утверждая, что Россия отправила на войну лишь четверть своей армии²; успешным такой блеф мог быть лишь при явном отсутствии у турок разведывательных данных. В действительности еще до войны даже гарнизонные полки были обескровлены ради формирования нового Обсервационного корпуса и командировками по внутренним надобностям вместо полевых полков, существенно страдала от падежа кавалерия, истощались финансы. С враждебным Крымом и турецкими крепостями по Черноморскому побережью империя оставалась на этом направлении чрезвычайно уязвимой. Выставить в таких условиях на юге отдельную полноценную армию, как это было, например, перед наполеоновским нашествием, Россия вряд ли бы смогла.

В итоге Мустафа III ограничился заключением весной 1761 г. договора об установлении дипломатических и торговых отношений с Пруссией, не вступая с ней в военный союз. Тем не менее даже такое сближение вызывало в России серьезные опасения. Насколько они были распространены, можно видеть по частному известию в письме июня 1761 г. из действующей армии вице-полковника Лейб-кирасирского полка Я. И. Толстого о дошедших до него панических отголосках большой политики: «Сей час палучил я печальную ведомость, дай Боже, чтоб неправда была: прусак подбил турка; из области цесарской пришло двести тысяч. Ежели то правда куда от такой напасти спасти себя...»³

¹ Журнал путешествия <...> кн. Г. И. Шаховского из Москвы в Константинополь (ОР РНБ. Ф. IV.4–5. Ч. II. Л. 15, запись от 16.11.1759).

² Анисимов 2014. С. 362, 365.

³ Я. И. Толстой — Е. А. Толстой. Б. м. 03.06.1761 (Письма Якова Ивановича Толстого и Екатерины Алексеевны Толстой, 1739–1763 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1393. Л. 210).

Несмотря на фантастичность слухов, цифры случайным образом близки к реальным планам Фридриха. Загнанный в угол к концу 1761 г., он был готов поставить все на турецкую карту как свой последний козырь: согласно прусским пожеланиям января 1762 г., 30 000 крымцев и 80 000 турок должны были весной вторгнуться на Украину, в то время как 120 000 главной турецкой армии предназначались для похода на Венгрию для соединения с пруссаками в районе Пресбурга (Братиславы). А если, писал король, «турки не поддержат меня немедленно весной, я буду уничтожен»¹. Лишь последовавшая смерть Елизаветы Петровны и резкий разворот России к союзу с Пруссией перечеркнули эти планы. Уже готовых выступить против России крымцев пруссаки подбивали идти в Венгрию, но Константинополь, от которого зависел Крым, колебался. А со следующим переворотом в Петербурге и восшествием на престол Екатерины II прекратилась и начавшаяся было подготовка Османской империи к борьбе с «немцами» (как турки называли австрийцев).

Помимо этой угрозы, Российской империи постоянно держала в напряжении и опасность возникновения «третьего фронта» на востоке — в той самой степи, которая «Хину отделяет». Разведывательно-аналитические документы Пруссии свидетельствуют и в этом случае об интересе к горячему материалу на восточных рубежах России: случившееся накануне Семилетней войны (1755–1756) башкирское восстание Батырши привлекло пристальное внимание главного тогдашнего «кремленолога» Берлина, известного автора мемуаров о России Кристофа Германа Манштейна, собиравшего информацию о пограничных степных народах у бывшего российского генерал-аншефа Джеймса (Якова) Кейта². Однако ровно к началу войны летом 1756 г. волнения, в подавлении которых было задействовано более 30 тысяч человек пехотных, драгунских полков и иррегулярных сил, удалось замирить: прежде всего потому, что общего восстания степных народов против России не вышло, а выступления башкир переросли в их конфликт с «киргиз-кайсаками» (казахами)³.

¹ Фридрих II — А. фон Рексину, Бреслау. 27.12.1761 // PC. Bd. 21. № 13365. S. 146.

² GStAPK, I. NA Rep. 96 N 608 J (фонд «Военные обращения в России»). Bl. 53–55.

³ См.: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков — феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016. С. 347–367.

Между тем далее на восток освоение Россией Сибири и постепенное проникновение в казахские степи столкнулись в эту эпоху с одновременной экспансией с противоположного направления в 1720–1760-х гг. мощной империи Цин. Нарастание напряженности достигло своего пика в эпоху третьей Ойрато-маньчжурской войны, почти совпавшей (1755–1759) с Семилетней (см. статью Д. Ливена в наст. кн.). Ослабление присутствия России из-за сосредоточения с начала 1750-х гг. полков на западе было при этом если не первостепенным, то, во всяком случае, одним из факторов, облегчившим активизацию циньского Китая и падение в ходе этой войны Джунгарского ханства (1758) с последовавшим массовым истреблением местного населения и созданием китайского Туркестана. Синьцзян (буквально — «Новая граница») поглотил большую часть бывшего Джунгарского ханства, что определило судьбы региона вплоть до настоящего времени.

Цинские войска стояли вдоль границы с Россией по Иртышу, а преследуя беженцев, не раз и нарушали ее; по поводу выдачи беженцев в Пекине даже прямо угрожали России войной. Русские власти осознавали, что при исчезновении буфера между двумя империями и утверждении в казахских степях Китая русские приграничные территории «подвержены будут всекрайней опасности»¹. Но на более активную политику и тем более вмешательство в полыхающую рядом войну не было ни военных сил, ни политической воли. При этом продолжающиеся конфликты из-за джунгарских событий продолжали отвлекать русские военные ресурсы, столь необходимые на западе: в апреле 1758 г., например, Конференция при Высочайшем дворе решает для защиты от нападений китайцев послать на сибирские линии 1000 яицких и оренбургских казаков, а также драгунский полк из Уфы². Одновременно с этим в Сибирь был направлен генерал-майор И. И. Веймарн, главный квартирмейстер в апраксинском походе 1757 г., попавший в немилость из-за его

¹ Сообщение сибирского губернатора В. А. Мятлева в СПб., июнь 1756 г., см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983. С. 296, 301. В общем: *Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA; London, 2010.

² РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 4 (1). Л. 21. Ср. статью Д. Ливена в наст. кн.

провала. Командование над войсками в Сибири он получил «по происшедшему с Китайским двором по зенгорским (джунгарским. — Д. С.) делам несогласию и опасению к нападению китайцев на сибирские границы»¹. В целом в условиях изнурительной войны на западе все эти меры были недостаточны и бессистемны, численность регулярных и иррегулярных войск с российской стороны уступала цинским и не отвечала изменившимся стратегическим задачам. Организация защиты границ империи на Урале и в Сибири падает уже на екатерининское время, когда было решено «всегда иметь вблизи границ столько войска, чтобы китайцы не могли ни на что покушаться»². Причем составить новые полки там должны были переселенные после войны из Польши русские выходцы; командовать ими в Сибири поехали многие из «демобилизованных» после «Прусской войны» офицеров, а руководить вновь образованным Сибирским корпусом направлен еще один участник Семилетней войны, генерал-поручик И. И. Шпрингер³.

IV. Итоги

Парижский и Губертсбургский мир де-факто сформировали новый европейский порядок. Британия становилась самой мощной колониальной державой и «владычицей морей», Франция потеряла роль европейского гегемона, Австрия и Пруссия сохраняли равновесие в делах нынешней Центральной Европы. Россия своими военными успехами обеспечила себе статус европейской великой державы, способной решать не только приграничные дела, и сохраняла этот статус до самого конца Российской империи.

При всем, можно сказать, эпохальном значении Семилетней войны для России, в коллективной памяти она практически

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 888. Л. 2, 2 об., цит. по: *Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 2018. С. 100, 103.

² *Трусевич Х.* Посольские и торговые отношения с Китаем (до XIX века). М., 1882. С. 58; ПСЗ-I. № 11979 (29.11.1763).

³ *Дмитриев.* С. 116 et passim (выведенные за штат и в гарнизоны бывшие участники Семилетней войны предпочитали вновь получить офицерскую должность в полевых полках и жалованье, пусть и в Сибири).

не представлена, за исключением участников самих походов и сражений — солдат Заграничной армии и казаков, сложивших о войне свои песни, и некоторых офицеров, в мемуарах для потомков. Для остальной России это была далекая война, проходившая за сотни километров от российских границ, с непонятными целями и отсутствующими материальными результатами. По этим же причинам Семилетняя война надолго была забыта и в историческом сознании России, хотя военные историки и отмечали ее роль в становлении армии, которая под предводительством Суворова побеждала затем французские войска в Италии и Швейцарии. Сам будущий генералиссимус русской армии сделал первые шаги в качестве боевого офицера именно в Семилетней войне. Фельдмаршалами в последующие царствования стали и другие генералы и офицеры Заграничной армии 1757–1762 гг.: П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев, А. М. Голицын, И. П. Салтыков, И. К. Эльмпт, В. П. Мусин-Пушкин, М. Ф. Каменский, А. А. Прозоровский. Последний в начале своих автобиографических «Записок» писал о Семилетней войне: «Сия война была для меня первым училищем, в котором я положил основание воинского искусства»¹. В Семилетней войне российские солдаты осознали собственную силу, которую так и не смогла сломить лучшая армия тогдашней Европы. По словам английского военного историка К. Даффи, «принимая во внимание достоинства врага и масштаб битвы, сражение при Кунерсдорфе является величайшим русским ратным подвигом XVIII в.»². Дж. Блэк считал, что русский «военный успех против Пруссии был внушительным, более престижным, чем победы против Польши, Швеции и Турции. Это было отражением экономического, административного и дипломатического развития страны. Военный успех стал и результатом этих процессов, и фактором, который более всего довел их до сознания Западной Европы <...>. К концу войны (Семилетней. — М. А.) российская армия была самой сильной в Европе»³. Слабым местом

¹ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 41.

² Duffy C. Russia's Military Way to the West: Origin and Nature of Russian Military Power 1700–1800. London, 1981. P. 111.

³ Black J. Eighteenth-Century Europe 1700–1789. London, 1990. P. 311–312.

российской армии осталось лишь отсутствие умелого и решительного командующего, что было исправлено уже в начале следующей войны России — Русско-турецкой 1768–1774 гг., когда армию возглавил самый перспективный из молодых генералов Семилетней войны, П. А. Румянцев.

Семилетняя война имела и другие долгосрочные последствия. Сохранившая статус великой державы Пруссия со столицей в Берлине в итоге объединит под своей властью всю Германию, русские и немецкие войска сойдутся на полях сражений в Первую и Вторую мировые войны. И только после Второй мировой войны военное могущество Берлина будет сломлено, Восточная Пруссия передана СССР (России) и Польше, как и планировалось Елизаветой Петровной почти двумя веками ранее. Западногерманский историк Й. Куниш считал вступление советских войск в Берлин в 1945 г. «драматической кульминацией» политики сокрушения могущества прусского милитаризованного государства как лейтмотива европейской политики: «чудо Бранденбургского дома», хотя и на две сотни лет, лишь отсрочило этот финал¹. Его соотечественник В. Баумгарт тоже отмечал удивительную схожесть русских планов 1756 г. и советских устремлений конца Второй мировой войны².

По мнению Д. Ливена, «Семилетняя война, по сути, стала важным этапом на пути к созданию существующего и по сей день глобального либерального порядка с доминированием англоязычных стран. Первая и Вторая мировые войны, так же как и холодная война, представляли собой неудачные попытки разрушить этот порядок. Иными словами, мы до сих пор ощущаем на себе последствия войны 1756–1763 гг.»³ — войны, которой и посвящена наша книга.

¹ *Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettpolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München; Wein, 1978. S. 23.

² *Baumgart W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges: Zum gegenwärtigen Forschungsstand // *Militärgeschichtliche Mitteilungen.* Bd. 11. 1972. S. 159.

³ *Ливен Д.* Россия и европейские великие державы: Семилетняя война в глобальном контексте // *Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова.* М., 2012. С. 17.